
Записки придворного сыщика
Мутные реки Флоренции
Евгений Сухов

Евгений Сухов

Мутные реки Флоренции

Серия «Записки придворного сыщика», книга 11

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74705141
Мутные реки Флоренции / Евгений Сухов: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-256776-6

Аннотация

Тайна, скрепленная свинцовой печатью.

1905 год. Николай Второй планирует усовершенствовать потрепанный в Русско-японской войне российский флот. Живущий в Италии инженер Прохор Смолянинов создает конструкции кораблей новейшего типа. Он передает секретные чертежи князю Андрею Семеновичу Бабичеву, с тем чтобы тот переправил их в Россию. Вскоре на берегу реки полицейские находят труп Бабичева, а некоторое время спустя кто-то сбрасывает с поезда и самого Прохора Смолянинова. Для расследования убийств российских подданных в Италию отправляется следователь по особо важным делам Иван Федорович Воловцов. Но как только сыщик приближается к разгадке этих происшествий, он сам становится мишенью злоумышленников…

Исторический детектив о преступлении начала прошлого века. Автор настолько увлекательно погружает в атмосферу того времени, что мы буквально слышим грохот мостовой, шум городского базара, звон колоколов и пронзительные свистки городовых…

Содержание

Часть I. Государево дело 6
Глава 1. 3 июля 1905 года. Виновного отыскать в кратчайшие сроки 6
Глава 2. 5 июля 1905 года. Передайте привет баронессе 22
Глава 3. 6 июля 1905 года. Секретное послание 36
Глава 4. 8 июля 1905 года. Труп на берегу реки Арно 46
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Сухов Евгений
Мутные реки Флоренции

© Сухов Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Часть I. Государево дело

Глава 1. 3 июля 1905 года. Виновного отыскать в кратчайшие сроки

Совещание в Высочайшем присутствии решили провести в здании Главного морского штаба. Помимо самого императора, в кабинете находились начальник штаба адмирал Виктор Александрович Конецпольский и заведующий делами морских агентов при Главном морском штабе капитан первого ранга Петр Петрович Реутов.

Император Николай II был одет в простой офицерский френч без лишней парадности. С тех пор как в январе вспыхнули беспорядки, не проявлявшие никаких признаков затихания, государь почти перестал появляться в церемониальных мундирах, считая показную торжественность в нынешних обстоятельствах неуместной и даже тягостной. Из наград на груди выделялся лишь скромный знак ордена Святого Владимира – единственное украшение, которое он позволял себе носить в столь тревожные месяцы.

Сквозь легкие кремовые портьеры в кабинет мягко струился солнечный свет. Он ложился на массивный стол густыми золотистыми полосами, вспыхивал в темном лаке поли-

рованного дерева, скользил по бронзовым приборам и мерцал на старинных глобусах, стоявших в углах кабинета. Казалось, сами эти глобусы хранили память о бескрайних морях, дальних походах и эскадрах Российской империи, раскинувшейся от суровой Балтики до далекого Тихого океана. Все в кабинете говорило о власти, принимавшей решения, от которых зависела судьба державы.

Подойдя к массивному столу из темного полированного дуба, император на мгновение остановился. Его взгляд усталых глаз медленно скользнул по разложенным морским картам, по чертежам новых крейсеров, испещренным разноцветными пометками инженеров, по аккуратно подписанным донесениям, лежавшим ровными стопками. В воздухе стоял едва уловимый запах табака, плавленого сургуча, свежей типографской краски и нагретого солнцем дерева.

Адмирал Виктор Александрович Конецпольский сидел за столом, спиной к высокому окну. Перед ним лежал первый том недавно завершенного труда – обстоятельного и беспощадного разбора причин поражения в Цусимском сражении. Итоги кампании были сведены в несколько объемистых томов, и теперь адмирал намеревался представить их государю.

Выводы комиссии оказались тяжелыми и безрадостными. Ошибок насчитывалось слишком много. От грубых тактических просчетов: слабого управления эскадрой, плохой маневренной подготовки и несогласованности действий ко-

мандования, до очевидного отставания от японского флота в плане технического оснащения. Дальнобойные японские орудия били чаще, точнее и увереннее, тогда как русские корабли нередко уступали противнику и в скорострельности, и в точности стрельбы, и в живучести механизмов под огнем. Многие корабли, проехавшие половину мира с усталым и измотанным бессонными вахтами и жарой экипажем, с машинами, требующими капитального ремонта, и засоренными котлами, тотчас вступали в жестокий бой. Что не могло привести к положительному результату.

Не менее тревожным выглядел и другой вывод. Морская разведка действовала неудовлетворительно. Сведения о силах, передвижениях и намерениях японцев поступали с опозданием либо оказывались отрывочными и недостоверными. Флот, уходивший к Цусиме, фактически двигался навстречу противнику почти вслепую, не располагая ни точными данными о составе неприятельской эскадры, ни ясным представлением о ее тактике.

Именно это обстоятельство адмирал Конецпольский считал едва ли не самым опасным симптомом – признаком системного кризиса, поразившего не только флот, но и весь государственный механизм империи.

Адмирал держал ладонь на обложке первого тома так, словно не желал выпускать его из рук. Пальцы его слегка побелели от напряжения. На столе перед ним стояла тяжелая бронзовая чернильница с металлической перьевой ручкой;

рядом лежали компас, навигационные линейки и небольшой карманный телескоп в потертом кожаном футляре – вещи, привычные человеку, проведшему значительную часть жизни среди карт и предметов, с помощью которых прокладывают курсы в дальних переходах.

Все пространство стола было занято картами районов боев. Листы густо покрывали пометки, карандашные стрелки, расчеты дистанций, краткие замечания и названия погибших кораблей. Тут и там встречались обведенные кружком даты, подчеркнутые фамилии командиров, отметки времени открытия огня. Некоторые линии были проведены с такой силой, что карандаш почти продавливал бумагу, будто сама рука чертившего не могла скрыть напряжения и горечи.

Лицо адмирала оставалось неподвижным и сосредоточенным, почти суровым. Однако глубокие морщины на лбу и взгляд потемневших глаз выдавали долгие часы бессонных размышлений – тяжелый след недавнего поражения русского флота. Казалось, за последние месяцы Конецпольский постарел сразу на несколько лет.

Поодаль от него стоял капитан первого ранга Петр Петрович Реутов. С присущей штабному офицеру аккуратностью он раскладывал на длинном столе чертежи крейсеров и броненосцев, таблицы их технических характеристик и сравнительные ведомости. Толстые папки с докладами командиров кораблей лежали отдельными стопками. В одних подробно перечислялись недостатки конструкции: слабость брониро-

вания и износ механизмов; в других, напротив, отмечались удачные инженерные решения: высокая выучка отдельных экипажей и примеры стойкости офицеров в бою.

Рядом находились аналитические записки судостроителей, инженеров и проектировщиков. Авторы этих документов пытались сопоставить опыт ведущих морских держав, сравнивали английские, германские, французские и японские корабельные программы, стараясь предугадать, в каком направлении в ближайшие годы продолжится развитие мирового военного судостроения. Все чаще в записях встречались слова «скорость», «дальнобойность», «единый крупный калибр» – новые понятия, начинавшие уже менять облик морской войны.

Комната была обставлена со вкусом и сдержанной строгостью, свойственной кабинетам высшего морского командования. На стенах висели полотна с морскими баталиями прошлых эпох и портреты адмиралов, чьи имена давно стали частью истории русского флота. С темных холстов на присутствующих сурово смотрели Нахимов, Ушаков, Лазарев. На полках рядом с массивными глобусами стояли старинные морские приборы: секстанты, латунные компасы, подзорные трубы в кожаной оправе. Пол устилали ковры с геометрическим узором, мягко приглушавшие шаги и создававшие почти библиотечную тишину.

Николай II некоторое время молча рассматривал карты и пометки на них. Его взгляд задержался на узком проливе

между Кореей и Японией, где красным карандашом были отмечены последние маневры русской эскадры. Затем император медленно поднял глаза на адмирала. В кабинете стояла гнетущая тишина, нарушаемая лишь едва слышным шорохом переворачиваемых бумаг.

– Все наши недочеты, господа, я слышу уже не в первый раз, – произнес государь негромко, но в наступившей тишине его голос прозвучал особенно отчетливо. – И должен признать, картина выходит крайне безрадостная.

Адмирал Конецпольский медленно провел рукой по столу, слегка коснувшись одного из тяжелых томов, посвященных разбору Цусимского сражения. Пальцы задержались на темной обложке, словно сам вес этих документов давил на него сильнее любых слов.

– Тактические ошибки… слабая подготовка эскадры… отставание в артиллерии… – продолжил перечислять Николай II, и в голосе его все заметнее проступало раздражение. – Обо всем этом мне уже докладывали. Но скажите… – Император поднял взгляд. – Что предлагают наши судостроители? Какие выводы делает разведка? Что думает аналитический отдел флота? – Он сделал короткую паузу, переводя взгляд с адмирала на капитана первого ранга Реутова. – Разбирать поражение можно бесконечно, – добавил государь уже жестче. – Но что толку! Флоту нужны не только объяснения унизительного поражения, но и правильные решения. И я намерен их услышать.

В кабинете снова стало тихо. Даже шорох бумаг прекратился.

Капитан первого ранга Реутов слегка поклонился и осторожно подвинул к центру стола несколько крупных чертежей.

– Ваше императорское величество, – произнес он подчеркнуто спокойно, сохраняя выдержку штабного офицера, – судостроители действительно предлагают целый ряд изменений в конструкции будущих кораблей. Однако среди этих предложений существует один проект… который способен изменить само представление о крейсерах. – На мгновение его рука задержалась на толстой папке с чертежами. – Проект пока не получил широкой огласки, – продолжил Реутов уже тише. – Именно поэтому им начали интересоваться некоторые иностранные разведки.

Адмирал Конецпольский медленно поднял глаза от лежавшего перед ним тома о Цусиме. Взгляд Николая II стал внимательнее.

– Поясните, – коротко произнес государь.

Петр Реутов раскрыл папку и развернул на столе несколько листов плотной ватманской бумаги. Свет из окна брызнул на разложенные чертежи: аккуратные линии корпуса корабля, схемы башен главного калибра, разрезы машинных отделений и колонки расчетов, исписанные ровным почерком.

– Речь идет о корабле, который, если верить расчетам, сможет превзойти большинство существующих крейсеров

по скорости, вооружению и живучести, – сказал капитан первого ранга. Он развернул один из листов. – Это проект сверхскоростного разведывательного крейсера. Корабль такого типа сможет не только догонять большинство крейсеров противника, но и при необходимости уходить от его превосходящих сил. Предполагаемая скорость – около двадцати семи – двадцати восьми узлов.

При этих словах адмирал едва заметно нахмурился. Для новейших кораблей подобная скорость казалась почти невероятной. Реутов постучал пальцем по чертежу машинного отделения.

– И за счет чего может быть достигнута такая скорость? – спросил Николай Александрович.

– Достичь ее предполагается за счет применения паровых турбин вместо традиционных поршневых машин. Турбины дают значительно меньше вибрации, работают ровнее, требуют меньше обслуживающего персонала и позволяют увеличить дальность боевого похода. Кроме того, они обеспечивают более быстрый набор хода, что особенно важно для разведывательного корабля. – Капитан первого ранга перевернул лист. – Предварительное водоизмещение будет составлять около пятнадцати тысяч тонн. Что касается вооружения, проект предусматривает восемь орудий калибра двести три миллиметра и двенадцать орудий калибра сто двадцать миллиметров.

Государь поднял лист: на одном из чертежей четко выде-

лялись силуэты башен.

– Артиллерийские установки предлагается разместить по диагональной схеме, что позволит существенно увеличить сектор обстрела и значительно усилить мощь бортового залпа. По сути, корабль сможет вести огонь почти всеми орудиями главного калибра одновременно, даже при сложных углах маневрирования. – Реутов провел рукой по последнему листу, где была изображена схема управления огнем. – Судостроители предлагают объединить дальномеры, посты наблюдения и артиллерийские расчеты в единую систему передачи данных. Если проект удастся реализовать полностью, точность стрельбы на больших дистанциях возрастет в несколько раз.

Последние слова капитана первого ранга Реутова прозвучали спокойно, но даже в его сдержанном голосе ощущалось напряжение человека, понимающего, что перед ним лежит не просто очередной проект корабля, а возможное начало новой эпохи в судостроительном противостоянии. Выдержав значительную паузу, Петр Петрович продолжил, слегка подвигая чертежи ближе к государю.

– Кроме того, предлагается совершенно новая система управления артиллерией, – произнес Реутов, проводя пальцем вдоль схемы. – Вместо разрозненных постов наблюдения и независимого наведения отдельных башен предусматривается централизованный пункт управления огнем. Отсюда можно будет одновременно корректировать стрельбу всей

батареи, рассчитывая дистанцию, поправки и упреждение для всех орудий сразу. Это значительно повысит точность залпов, особенно на больших дистанциях. – Он перевернул еще один лист, где были изображены дальномеры и линии передачи сигналов. – Также рассматривается идея единого калибра для тяжелых орудий. К сожалению, реализовать ее во время войны с японцами мы не успели. Тогда многие считали подобное решение чрезмерно смелым и даже опасным. – Реутов на мгновение замолчал, словно мысленно возвращаясь к событиям недавней кампании, затем тихо добавил: – Если расчеты верны, такой крейсер станет не просто разведчиком… он станет глазами и мечом всей эскадры.

Николай II слегка нахмурился, задумчиво коснувшись подбородка.

– А что делают англичане? – спросил он. – У них есть что-то подобное?

Петр Реутов обменялся коротким взглядом с адмиралом Конецпольским.

– По сведениям нашей морской разведки, англичане действительно строят новейший корабль и держат проект в строжайшей тайне. О его технических характеристиках известно настолько мало, что даже парламенту приходится довольствоваться краткими и весьма расплывчатыми отчетами. – Он сделал жест рукой в сторону разложенных карт и чертежей. – Немецкая разведка, судя по всему, пытается добыть чертежи через инженеров, подрядчиков и поставщиков

оборудования. Информация собирается буквально по крупицам: через металлургические компании, рабочих верфей, технические журналы и частные судостроительные фирмы. Часть сведений немцам уже удалось получить. – Реутов чуть понизил голос. – По их оценкам, если британцам удастся воплотить задуманное полностью, все существующие линейные корабли, даже самые современные, устареют значительно быстрее, чем можно ожидать.

Император чуть наклонился вперед.

– И каким в таком случае будет этот тип корабля?

– Он будет ближе к линейным крейсерам, – ответил Реутов. – Скорость будет значительно выше, чем у обычных линейных кораблей, а вооружение останется сопоставимым с тяжелыми броненосцами. По сути, речь идет о соединении огневой мощи линейного корабля со скоростью крейсера.

На несколько секунд Николай II задумался. Его взгляд опустился на карты и схемы, испещренные пометками, словно он пытался увидеть в этих линиях очертания будущих войн.

– Если все это действительно так, как вы излагаете… – медленно произнес государь. Он сделал паузу и сжал кулаки на столе. – …тогда мы найдем средства на строительство этого линейного крейсера. И на перевооружение всего флота!

После этих слов в кабинете вновь установилась тишина. Слышался лишь легкий скрип перьев где-то в соседней ком-

нате да едва различимый шелест бумаг. Казалось, само пространство замерло в ожидании дальнейших слов государя.

Однако выражение лица Реутова не изменилось. Напротив, в его взгляде появилась тень тревоги.

– К величайшему сожалению… это лишь часть чертежей, – произнес он наконец, слегка поникнув. – По ним построить корабль невозможно.

Император медленно поднял глаза.

– Вот как? Это отчего же?

– Остальная часть документов и основные расчеты находятся у корабельного инженера, капитана второго ранга Смолянинова. Три года назад, в сотрудничестве с итальянскими специалистами, он приступил к работе в Ливорно – крупном порту на западном побережье Тосканы, на берегу Лигурийского моря. Там располагается одна из крупнейших верфей Италии, где строят крейсеры, миноносцы и торговые суда.

– Мне это известно, – сдержанно сообщил государь, не отрывая взгляда от разложенных карт.

Реутов едва заметно кивнул.

– Смолянинов спроектировал крейсер с использованием новейших технологических решений, – продолжил капитан первого ранга. – Получился корабль, которому на сегодняшний день, по мнению наших специалистов, нет равных. – Он осторожно коснулся лежавших на столе чертежей. – Ему удалось передать лишь часть документации – она сейчас перед

вами. Однако значительная часть схем, расчетов по бронированию, устойчивости и плавучести боевого корабля, энергетической установке и системе управления огнем осталась в Италии.

Реутов ненадолго замолчал, ожидая вопроса, а когда его не последовало, продолжил дальше:

– И есть серьезные основания полагать, что интерес к этим материалам проявляют не только англичане и немцы. Они интересны и американцам, и французам, а также итальянцам… Если документы попадут в чужие руки, Россия может потерять единственное преимущество, способное вернуть нашему флоту утраченное положение на море.

После этих слов в кабинете вновь возникла тяжелая тишина. Николай II медленно провел пальцами по краю стола.

– Так что стало с этим инженером? Надеюсь, с ним все в порядке? – в голосе государя впервые прозвучала плохо скрываемая тревога.

– Оставаться в Ливорно стало невозможно… и даже опасно, – ответил Реутов. – Поэтому было принято решение перевести его во Флоренцию, где передать документы значительно проще и безопаснее.

Император поднял глаза.

– Откуда такое суждение?

– Мы исходили из того, что во Флоренции сосредоточено множество иностранных инженеров, архитекторов, торговых представителей и частных подрядчиков, – пояснил ка-

питан первого ранга. – На их фоне один русский специалист не вызывает особого внимания. Кроме того, местная контрразведка работает значительно слабее, чем в портовых городах. Администрация относится к иностранцам и туристам весьма лояльно, а поток приезжих настолько велик, что установить постоянное наблюдение за каждым из них практически невозможно. – Реутов ненадолго замолчал, после чего продолжил уже мрачнее: – Мы решили воспользоваться этой ситуацией. К тому же у нас уже имеется крайне неприятный опыт. Во время передачи предыдущих документов из Ливорно произошла утечка информации. О содержимом дипломатической почты, отправленной в Санкт-Петербург, каким-то образом узнала английская разведка. – Николай II при этих словах резко нахмурился. – Британцы уже вовсю используют наши наработки в собственном кораблестроении, – тихо добавил Реутов.

На лице государя проступили явные признаки раздражения.

– Как же это могло произойти? – спросил он с плохо скрываемым негодованием.

Адмирал Конецпольский медленно поднялся со своего места.

– Пока неизвестно, ваше величество. Мы выясняем все обстоятельства, – ответил он негромко. – Не исключено, что свою роль сыграли беспорядок в ведомствах, привычная бюрократия и ведомственные интриги. – Он сделал короткую

паузу. – Хотя… мы не исключаем и откровенного предательства.

Последние слова прозвучали особенно тяжело.

Император медленно отвел взгляд к окну. Несколько секунд он молчал, барабаня пальцами по столу, затем вновь повернулся к офицерам.

– Предоставьте для связи инженеру Смолянинову человека, в котором вы уверены безоговорочно. У нас есть во Флоренции такие агенты?

Николай Александрович вновь принялся рассматривать разложенные чертежи, однако теперь делал это уже иначе – с вниманием человека, понимающего, что перед ним не просто бумаги, а вопрос будущего всего флота.

– Имеются, ваше величество, – уверенно ответил капитан первого ранга. – Некоторые из них работают в Италии уже много лет и глубоко законспирированы. Я бы сказал, что они почти стали итальянцами. Другие действуют под прикрытием дипломатических миссий и пользуются иммунитетом. До настоящего момента их деятельность не вызывала подозрений.

Император сделал короткую паузу, обдумывая услышанное.

– Свяжитесь с ними и немедленно заберите у Смолянинова все чертежи, – строго распорядился государь. – После доставки документов в Россию передайте их на экспертизу ге-

нерал-лейтенанту флота Алексею Николаевичу Крылову[1]. В нашей стране он главный авторитет в области кораблестроения. Его мнение для меня особенно важно.

Николай II поднял взгляд.

– И постарайтесь обеспечить безопасность самого инженера. Такой человек сейчас стоит целой эскадры.

– Слушаюсь, государь! – твердо произнес Петр Реутов, слегка поклонившись.

Однако Николай II еще не закончил речь.

– А виновного следует отыскать в самые кратчайшие сроки! – голос государя заметно окреп. – Что же это получается? Это не секретная почта, а какое-то дырявое ведро! – Он резко захлопнул лежавшую перед ним папку. – После того как все выясните – доложите! Даю вам неделю.

Поднявшись и расправив плечи, адмирал Конецпольский ответил четко, по-военному сухо:

– Есть доложить, ваше величество!

В кабинете вновь стало тихо. Солнечный свет все так же скользил по картам, чертежам и тяжелым томам о Цусиме, словно напоминал о том, какой ценой империя заплатила за право учиться на собственных поражениях.

---

[1] **Алексей Николаевич Крылов** (3 августа 1863, Висяга, Алатырский уезд, Симбирская губерния – 26 октября 1945, Ленинград) – русский и советский ученый-математик, механик и инженер-кораблестроитель.

Глава 2. 5 июля 1905 года. Передайте привет баронессе

Вечер пятого июля во Флоренции был невероятно теплым и тихим. Лишь с реки порой потягивал свежий летний ветерок.

Прохор Смолянинов не спешил направляться к тайнику, – следовало удостовериться, что за ним не наблюдают. Заложив руки за спину, он вышел на набережную реки Арно, некоторое время стоял на берегу и наблюдал за прохожими; затем расположился за выносным столиком летнего кафе и заказал крохотную чашечку эспрессо. Убедившись, что за ним никто не смотрит, прошел через Понте-Веккьо[2], лишь мельком глянув на то место, где должна была находиться закладка. Спустившись с моста, Прохор Прокофьевич свернул в узкую улочку, застроенную средневековыми строениями; проделал небольшой круг и, спустя несколько минут, вновь появился перед мостом, но уже с другой стороны.

По краям старинной переправы тянулись ювелирные лавки. Прохор Смолянинов шел неторопливо, переходя от витрины к витрине, подолгу задерживаясь у некоторых. Со стороны могло показаться, что он с интересом рассматривает

[2] С итальянского «Ponte Vecchio» можно перевести как «Старый мост». Именно так его и называют флорентийцы. Еще его называют Золотой мост.

выставленные кольца и броши, выбирая подходящее украшение. В действительности он следил за отражениями в стекле, выхватывая взглядом фигуры позади и стараясь отмечать движения, способные выдать слежку.

Прохожие двигались мимо редким, рассеянным потоком, почти нигде не задерживаясь. Ни одно лицо не встречалось дважды – по крайней мере, так казалось на первый взгляд.

И все же, когда он уже вышел к середине Понте-Веккьо, ему на мгновение почудилось, что в глубине одной из витрин мелькнул силуэт человека, задержавшего на нем пристальный взгляд.

Прохор Прокофьевич не подал вида, что заметил. Он прошел дальше с той же размеренной неторопливостью, остановился у следующей лавки и вновь склонился к стеклу, будто разглядывая золотые броши. В отражении лежала мостовая, тускло отсвечивали огни. Никакого силуэта более не наблюдалось. Вероятно, ему показалось – лишь игра света от фонаря, не более того.

Смолянинов взошел на горбовину моста, где располагалась небольшая смотровая площадка, с которой открывался прекрасный вид на набережные и на мосты, переброшенные через реку. Опершись на холодный камень парапета, он устремил взгляд на темные воды Арно. Со стороны капитан второго ранга Смолянинов выглядел обыкновенным туристом, остановившимся на мосту, чтобы полюбоваться видами вечерней Флоренции – спокойной, почти безмятежной в

своем тихом сумеречном свете.

На самом деле Прохор Смолянинов пришел к этому месту совсем по другой причине.

В его рукаве прятался сверток – несколько листов кальки с чертежами крейсера, аккуратно завернутые в парафинированную бумагу.

Пальцы нащупали под краем парапета шершавую толстую деревянную балку, к которой крепилась соседняя ювелирная лавка. Между камнем и брусом оставалась узкая щель – как раз такая, чтобы спрятать тонкий сверток. Не торопясь, будто продолжая любоваться неспешно текущей рекой, Прохор Прокофьевич сунул ладонь в щель и почувствовал, как пальцы натолкнулись на вощеную бумагу, в которой курьер обычно оставлял для него послание. Ухватив за уголок, он незаметным движением вытащил сообщение и, сделав вид, что потирает ладони, спрятал послание в манжете рубашки. Затем извлек из рукава сверток и аккуратно втиснул его в щель. Бумага мягко скользнула между камнем и деревом.

Теперь все зависело от связного. Если тот подойдет вовремя, то уже через пять дней чертежи окажутся в Петербурге, в Главном морском штабе.

Прохор Прокофьевич еще некоторое время постоял у парапета. Затем, словно машинально стряхивая пыль с перчатки, он незаметно чиркнул по камню белым мелом. Едва заметная отметка должна будет подсказать связному, что тайник заложен.

Он уже собирался уйти, когда вдруг снова почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Прохор Смолянинов медленно повернул голову. На мосту по-прежнему прогуливались немногие прохожие. У дальнего фонаря остановилась молодая пара, чуть дальше неторопливо проходил пожилой флорентиец с тростью.

Никто из них, казалось, не обращал на него ни малейшего внимания.

Капитан второго ранга тихо вздохнул, слегка поежился от вечерней прохлады и неторопливо направился в центр города, в небольшую гостиницу на десять номеров. В ней он остановился на несколько дней перед отъездом в Санкт-Петербург, чтобы осмотреть флорентийские достопримечательности и передать важные документы и чертежи, над которыми работал последние три года.

* * *

Коридор Вазари[3], проложенный над лавками еще в середине XVI века, тянулся узким проходом через мост с редки-

[3] **Коридор Вазари** – знаменитый закрытый переход во Флоренции, построенный в 1565 году архитектором Джорджо Вазари по приказу Козимо I Медичи. Коридор соединяет Палаццо Веккьо с Палаццо Питти, проходя через Галерею Уффици и над Понте – Веккьо. Его длина составляет около километра. Главная цель строительства коридора была сугубо практической: семья Медичи могла перемещаться между дворцом правительства и своей резиденцией, не появляясь на улицах и не опасаясь покушений.

ми окнами, сквозь которые открывались виды на старый город и темную ленту Арно, отражавшую огни вечерней Флоренции. В самом центре коридора стоял немолодой мужчина лет пятидесяти, с длинными пышными усами, в черном сюртуке. В руке он держал трость из черного коралла с серебряным набалдашником и наблюдал за передвижениями Прохора Прокофьевича. В его внешности не было ничего примечательного – он походил на чиновника среднего ранга или на профессора университета.

Едва заметная улыбка тронула его губы, когда Смолянинов пересек мост, сделал крюк по улочкам и вновь вышел на мост, остановившись на смотровой площадке. Значит, закладка находится именно здесь. Оставалось только дождаться, когда чертежи окажутся в тайнике. Следовало признать: будучи корабельным инженером, Смолянинов действовал с педантичностью опытного разведчика, не вызывая ни малейших подозрений.

Через несколько минут после того, как он удалился с моста и затерялся в узком переулке, на смотровую площадку пришел неприметный человек невысокого роста в черном котелке. Будто случайно он провел рукой по шероховатой балке, нащупал скрытую щель и извлек из нее маленький сверток.

Подняв находку, он на мгновение задержал ее на уровне груди. Жест был почти незаметен – случайный прохожий не придал бы ему никакого значения, – однако для наблюдателя

за стеклом этого хватило.

Человек, стоявший в полумраке Коридора Вазари, едва заметно кивнул. Затем неторопливо достал карманные часы – массивные, английской работы, именно такие любили штабные офицеры британской армии. Из-под полы темного жилета скользнула тяжелая золотая цепочка с поперечной перемычкой.

Немолодой мужчина открыл крышку. На мгновение холодный отблеск упал на эмалевый циферблат. Взглянув на стрелки, он с сухим металлическим щелчком захлопнул часы.

Ни секунды более не задерживаясь у окна, обхватив широкой ладонью серебряную рукоять трости, он двинулся дальше по длинному переходу. Его шаги глухо отдавались под сводами пустынного коридора, теряясь среди запаха старого камня, пыли и нагретого дерева. За узкими окнами медленно угасал вечерний свет, окрашивая воды Арно в бронзу яркого насыщенного цвета.

Достигнув конца перехода, мужчина спустился по широкой мраморной лестнице в сторону Палаццо Веккьо[4]. У подножия его уже ожидал неприметный человек в черном котелке.

Передав сверток зрелому мужчине с тростью, незнакомец в котелке негромко спросил:

---

[4] **Палаццо Веккьо** – дворец Веккьо. В конце XIII – начале XIV века он служил резиденцией городских властей и символом гражданской власти.

– Синьор адвокат, будут ли еще какие-нибудь распоряжения?

Человек в возрасте провел пальцем по трости. Затем притронулся к золотому перстню-печатке на мизинце. В сумерках его лицо казалось особенно бледным и неподвижным.

– Не упускайте этого человека из виду, – произнес он после короткой паузы. – Я должен знать о нем все: с кем он встречается, кому пишет, где бывает… Все, без исключения!

– Будет исполнено, – немедленно отозвался собеседник.

Слегка поклонившись, он развернулся и быстрым шагом заторопился обратно под длинные своды Коридора Вазари, где его фигура почти сразу растворилась в полумраке.

* * *

Вернувшись в гостиницу, Прохор Прокофьевич вынул из кармана сверток вощеной бумаги, аккуратно развернул его и прочитал:

«*Предлагаю встретиться завтра в одиннадцать часов вечера в Санта-Маргерита*[5]*, в „Киоте теней*“».

Он перечитал записку еще раз – медленно, словно пытаясь уловить в коротких строках скрытый смысл, – затем чиркнул

---

[5] **Церковь Санта-Маргерита-деи-Черки** – небольшая средневековая церковь во Флоренции, известная как «церковь Данте». Именно здесь, согласно легенде, Данте Алигьери впервые встретил свою музу Беатриче Портинари, здесь она и похоронена. Храм расположен рядом с домом-музеем Данте.

зажигалкой и поднес ее к огню. Бумага вспыхнула ровным красным пламенем. Не отводя взгляда, Смолянинов прикурил от огня сигарету и, дождавшись, когда тот доберется до пальцев, бросил догорающий клочок в стеклянную пепельницу.

За все время связник ни разу не назначил личной встречи. Смолянинов не знал его в лицо, не ведал, как его зовут, не имел ни малейшего представления, где тот проживает и чем занимается вне своей невидимой службы. Эта неизвестность являлась тщательно продуманным решением и четко выверенной конспирацией: в случае провала он не сумел бы рассказать о своем контактере ровным счетом ничего – даже под пыткой.

И вдруг такое нестандартное предложение, перечеркивающее все прежние правила. Связник предлагал пойти на риск. Значит, произошло нечто из ряда вон выходящее.

Смолянинов выпустил упругую струю дыма.

А что, если тайник раскрыт? Если записку оставил не связник, а тот, кто уже идет по его следу? Церковь Санта-Маргерита – место глухое, на окраине Флоренции… В этом малолюдном уголке может произойти все что угодно. Удар сзади, и его тело никогда не найдут.

Прохор Прокофьевич опустился на стул, сцепив пальцы. Было о чем поразмышлять. Мысли выстраивались тяжело, следовало все действия тщательно продумать, ошибка может очень дорого обойтись. Риск очевиден. Но пренебречь при-

глашением – тоже невозможно.

Прохор Прокофьевич затушил сигарету, поднялся и, словно подводя внутреннюю черту, тихо произнес:

– Все-таки пойду… А там видно будет.

Он открыл бутылку красного вина и наполнил бокал. Слегка взболтав напиток, он вдохнул его пряный аромат и только после этого сделал небольшой глоток, закусив его маленьким кусочком твердого солоноватого сыра. За три года, проведенных в Италии, он бывал во Флоренции только наездами, не успев насладиться ее красотами и историческими местами. Так и не удосужился побывать в Галерее Уффици, где хранится живопись Боттичелли, Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Караваджо. Музей Сан-Марко[6], некогда бывший доминиканский монастырь, где сохранились уникальные фрески работы раннего Возрождения. А ведь мечтал об этом с первого же дня, как только приехал в Италию (как-то все было не до того, – интересы государства всегда были выше собственных желаний), а теперь уже и ни к чему. Также не побывал во дворцах Питти[7] и Веккьо[8]…

---

[6] **Сан-Марко** – общее название комплекса, состоящего из церкви Святого Марка и женского монастыря, в настоящее время превращенного в музей. Расположен на площади Святого Марка во Флоренции.

[7] **Палаццо Питти** – самый большой из дворцов (палаццо) во Флоренции, выдающийся памятник архитектуры кватрочетно. Находится на Площади Питти, на левом берегу реки Арно.

[8] **Палаццо Веккьо** – историческое здание во Флоренции, на площади Синьории, построенное в 1299–1314 годах по проекту Арнольфо ди Камбио; одно из

Неожиданно в дверь негромко постучали. Гостей Смолянинов не ждал. Кто это может быть?

Открыв дверь, Прохор Прокофьевич увидел на пороге крепкого высокого седоватого мужчину с безупречной осанкой, в неброской одежде, но, вне всякого сомнения, весьма дорогой, что могло свидетельствовать о его высоком статусе.

– Синьор Смолянинов? – улыбнувшись, уточнил он.

– Он самый, с кем имею честь общаться?

– Меня зовут Никола Фаббри, я чиновник по особым поручениям, и я бы хотел обсудить с вами одно выгодное дело. Позвольте пройти?

– Проходите, – отступил в комнату Прохор Прокофьевич.

– Благодарю, – сняв шляпу, гость прошел в комнату. Отставив трость из черного коралла в сторону, заговорил: – Я не хотел бы тянуть время, давайте сразу поговорим о деле. Нам известно, что вы талантливый корабельный инженер. Еще три года назад, до печально известного Цусимского сражения, вы предлагали Главному морскому штабу радикальные идеи в кораблестроении, которые могли бы значительно укрепить российский флот. Например, построить скоростной крейсер с усиленной артиллерией, справедливо полагая, что за ним будущее. Предлагали установить на кораблях турбинные двигатели; перейти к концепции с однородной крупной артиллерией, со стрельбой на большом расстоянии; установить новые дальномеры, а также облегчить корпус крей-

---

наиболее известных строений города.

сера, что позволит увеличить его скорость… Однако все ваши предложения были отклонены. И как результат – поражение российского флота от современной японской эскадры. Мы вам предлагаем хорошее вознаграждение за все ваши новаторские идеи, которые будут непременно воплощены в жизнь.

– Вот оно как… И от кого же такое заманчивое предложение?

Мягко улыбнувшись, гость сообщил:

– От Королевства Италии.

Гость говорил негромко, но очень уверенно, совершенно безэмоционально, что было мало свойственно итальянцам. А еще он носил слишком жесткий воротник и туфли, начищенные до блеска.

– Значит, говорите, Королевства Италии. Синьор Никола Фаббри… Сильно сомневаюсь… Ни у одного итальянского аристократа я не видел тяжелого золотого перстня-печатки на мизинце. Вы из другого ведомства. Вы – англичанин! Или, во всяком случае, долго проживали в Лондоне… Британские джентльмены никак не могут избавиться от этой привычки носить золотые безделушки. А еще эти ваши английские запонки с монограммами, – сквозь зубы произнес капитан второго ранга Смолянинов.

– Хм, а вы невероятно наблюдательны для корабельного инженера. Впрочем, я не буду отрицать очевидного. От имени и по поручению британской короны я предлагаю вам воз-

можность, о которой вы мечтали – строить первоклассные корабли!

– Моя ошибка, что я открыл вам дверь. А теперь убирайтесь вон! Пока я не вышвырнул вас в окно!

– Вот, значит, как вы заговорили. Что ж, это ваш выбор, – гость надел шляпу. – И еще… В тайнике, в который вы заложили закладку, мы нашли чертеж турбины, думаю, что он будет нам весьма полезен, и уже завтра русской морской разведке будет известно, что вы передали новую разработку британской короне.

– Да я вас сейчас собственными руками… – шагнул вперед капитан второго ранга Смолянинов.

– А вот этого я не советую, – произнес джентльмен, выхватив из кармана самовзводный револьвер с автоматикой. – Я не промахиваюсь, тем более с расстояния в несколько шагов. Желаю вам здравствовать! – произнес гость и закрыл за собой дверь.

Смолянинов поднял со стола бутылку с остатками вина и швырнул ее вслед английскому шпиону. Ударившись в дверь, она с грохотом разлетелась на множество осколков, залив красным вином белую окрашенную поверхность.

– Такое настроение испортить, – посетовал Прохор Прокофьевич.

* * *

Покинув гостиницу, незваный гость подошел к закрытому экипажу, стоявшему на противоположной стороне улицы, и несильно постучал в дверцу. Ему открыл грузный человек лет сорока пяти, с широкими усами, кончики которых были лихо закручены вверх; он был одет в добротный светло-серый сюртук из тонкой шерсти.

– И что же он сказал, синьор адвокат? – спросил полноватый мужчина.

Поправив жесткий воротник, будто бы на мгновение перехвативший дыхание, адвокат ответил:

– Если коротко, Уильям, этот недотепа выставил меня вон. – Он выдержал подобающую паузу, сцепил ладони на набалдашнике трости и вяло улыбнулся. – Это было крайне неразумно с его стороны.

Толстяк, сидевший в экипаже, поморщился:

– Прохор даже не представляет, в какую серьезную игру он ввязался. – Нахмурившись, добавил: – Одно дело – от скуки заводить интрижки с чужими женами, и совсем другое – вставать поперек интересам больших держав.

– Так вы знаете Смолянинова? – невольно удивился адвокат.

– Да. Имел честь познакомиться.

– И при каких обстоятельствах?

– Мы были секундантами противоборствующих сторон. Правда, это было давно… Тогда он произвел на меня благоприятное впечатление. Прохор искренне хотел помирить дуэлянтов. Жаль, что у него этого не получилось.

– Теперь понимаю, почему вы не пожелали с ним встретиться. Так как с ним поступить?

– Меня он больше не интересует. Сделайте все должным образом. Без промаха. А теперь мне нужно на вокзал, через час прибывает Эдвин Эгертон[9]. Не хотелось бы опоздать.

– Мне тоже нужно домой, – ответил мужчина в изысканной одежде. Хмыкнув, добавил: – Моя женушка даже не знает, с кем я разговаривал.

– Передайте мой привет баронессе, синьор адвокат, – произнес здоровяк, притрагиваясь к шляпе.

– Непременно, – ответил человек с безупречной осанкой и захлопнул дверцу.

Карета тронулась, и копыта лошадей застучали по мостовой.

---

[9] **Эдвин Эгертон** – с января 1905 года действующий посол Великобритании в Королевстве Италия.

Глава 3. 6 июля 1905 года. Секретное послание

Церковь Санта-Маргерита-деи-Черки стояла в стороне от оживленных улиц Флоренции – на узкой, почти незаметной улочке, куда редко заглядывали даже местные прихожане. Здесь не встретить продуктовых лавок, отсутствовало привычное для центральных районов города многоголосие и шум, не увидеть оживленного уличного движения; присутствовала лишь глухая тишина, как будто бы время обходило это место стороной.

Храм, возведенный между XI и XIII веками, хранил в себе память о юности великого Данте и его возлюбленной красавице Беатриче Портинари[10]. По старинному преданию, именно здесь он впервые увидел ее – всего-то мгновение, которое стало началом сильного чувства, пережившего века и превратившегося в поэзию.

---

[10] **Беатриче** (1266/1267, апрель – 9 июня 1290), предположительно Беатриче Портинари, уменьш. Биче – «муза» и тайная возлюбленная итальянского поэта Данте Алигьери.**Данте Алигьери** (последняя декада мая 1265 – в ночь с 13 на 14 сентября 1321) – итальянский поэт, мыслитель, богослов, один из основоположников литературного итальянского языка, политический деятель. Создатель «Комедии» (позднее получившей эпитет «Божественной», введенный Боккаччо), в которой был дан синтез позднесредневековой культуры; «Божественная комедия» является одним из основополагающих произведений западной литературы.

Снаружи церковь выглядела скромно: невысокое здание с грубоватым каменным фасадом, лишенным каких-либо украшений. Узкие, слегка вытянутые окна, напоминающие бойницы, с потемневшими от времени стеклами и едва пропускающие свет, делали стены еще более мрачными.

Внутри церкви царил неизменный полумрак – даже в самый ясный день помещение выглядело мрачновато. Низкий свод давил своей тяжестью на плечи, словно каменная кладка держала тайны, накопившиеся за столетия. У икон теплились несколько лампад; их неровный, слабый огонь дрожал, отбрасывая на стены зыбкие, искаженные тени, будто бы ожившие воспоминания почивших людей. Воздух был плотным, насыщенным запахом старого дерева и расплавленного воска – тем особым, почти осязаемым ароматом, который встречается только в древних храмах.

В глубине церкви покоились семейные гробницы влиятельных флорентийских родов XIII–XIV веков – строгие, безмолвные, с едва различимыми гербами и фамилиями, безжалостно стертые временем. Здесь же находились и старинные произведения искусства: потемневшие от веков образы, среди которых выделялась алтарная картина с Мадонной, – тихая, строгая, словно составная часть этой полутени и вечного покоя.

Прохор Прокофьевич ступил в затемненное пространство церкви и невольно замедлил шаг. Здесь он был один. Тишина стояла такая, что казалась ему почти осязаемой. Слева от

входа его взгляд зацепился за углубление в стене – узкую каменную нишу, почти незаметную с первого взгляда. Внутри нее находился низкий аналой[11], покрытый темной тканью, на котором лежало Евангелие. Чуть глубже, в самой тени, был устроен небольшой киот – вырезанная в стене полка с дверцей для иконы. Рядом тянулась узкая скамья, втиснутая в это укрытие так, словно ее создали не для молитвы, а для ожидания чего-то необычного.

Местные жители называли это место «Киотом теней». И не без причины: человек, укрывшийся здесь, почти сливался со стеной. Даже стоя в нескольких шагах, его было трудно заметить – густая тень скрывала очертания, а стены заглушали всякий звук.

Смолянинов вошел в нишу и опустился на край каменной скамьи. Мрамор оказался ледяным, словно хранил в себе холод прошедших веков. По спине тотчас пробежал озноб – то ли от пронизывающей сырости камня, то ли от гнетущего величия пространства, в котором он очутился. Прохор замер, напряженно вслушиваясь в тишину, однако церковь по-прежнему безмолвствовала.

Медленно и без лишних движений он достал из кармана небольшой сверток. Плотно сжатый в ладони, казавшийся тяжелее, чем был на самом деле. Прохор Прокофьевич акку-

[11] **Аналой** – высокий церковный столик с наклонной верхней поверхностью, используемый для размещения икон, Евангелия или богослужебных книг. Это важный элемент храмового интерьера, перед которым верующие молятся, прикладываются к иконам или исповедуются.

ратно положил его рядом на скамью.

Вдруг огонек лампады дрогнул. Слабый свет вытянулся, скользнул по шероховатой стене и рассыпался ломкими и неровными тенями, – в глубине храма что-то едва заметно шевельнулось и тут же успокоилось.

Из приоткрытого окна доносился глухой звук шагов по мокрой мостовой. Дождь прошел совсем недавно; в лужах тускло дрожали отражения фонарей. Всмотревшись, Прохор Прокофьевич увидел возникшую в глубине узкой улочки высокую фигуру в темном пальто и широкополой шляпе, двигавшуюся почти бесшумно.

Смолянинов невольно вжался в камень ниши. Сердце билось резко, глухо, болезненно отдаваясь в висках. Шаги приблизились к самой двери церкви и… неожиданно стихли. Образовалась изнуряющая натянутая тишина. Казалось, что само время остановилось, вслушиваясь в безмолвие. Минуты растянулись в вечность.

Прохор Смолянинов выждал еще немного, после чего выглянул из укрытия. Церковь оставалась пустой. Только тени, рожденные пламенем лампад, бесшумно скользили по стенам, словно жили своей отдельной тайной жизнью.

И вдруг донесся тихий скрип двери.

В церковь дохнуло сырым ночным воздухом. Пламя лампад боязливо вздрогнуло, закачалось, вытянувшись в длинные кривые тени. В проеме возник силуэт человека. Он стоял неподвижно, очерченный тусклым, зыбким светом, – ли-

цо, остававшееся в полутени, не разглядеть.

Несколько секунд вошедший не двигался, всматриваясь в пустующее пространство церкви. Затем уверенно, безо всяких колебаний направился прямиком к нише.

Остановившись у самого входа, вошедший внимательно посмотрел на Смолянинова. Взгляд его оставался спокойным, почти бесстрастным, но в этой внешней невозмутимости чувствовалась опасная цепкость человека, привыкшего замечать малейшие детали в обстановке вокруг. Несколько секунд он молчал, словно сверяя в памяти лицо собеседника с давними воспоминаниями, после чего произнес ровным, почти равнодушным голосом:

– Прохор… Никак не думал, что это будешь именно ты. Вот ведь как судьба оборачивается.

– Рад видеть тебя, Андрей, – негромко ответил Смолянинов. – А то у меня было дурное предчувствие… Целых три года я оставлял записки, но даже представить не мог, что именно ты их забираешь. Однако ты должен понять мою осторожность. Последняя записка вызвала у меня опасения. Требование встречи – слишком серьезный шаг с твоей стороны. Мне нужны доказательства, что ты именно тот человек, которого я жду. Иначе разговора у нас не получится.

– Понимаю, – кивнул связной. – Похвально. Проверяй.

– Тогда расскажи нечто такое, что убедило бы меня окончательно в том, что ты именно тот, за кого себя выдаешь.

Андрей едва заметно усмехнулся:

– Могу изложить твою настоящую биографию – ту, что известна лишь в Морском министерстве. Тебя интересуют какие-то личные подробности?

– Изволь.

– Ты – корабельный инженер, капитан второго ранга, выпускник Морского кадетского корпуса. Перед поступлением на кораблестроительное отделение Николаевской морской академии проходил практику на Франко-русском заводе. Именно там ты написал свою первую научную работу по судостроению.

– Это еще не доказательство, – сухо заметил Смолянинов. – Подобные подробности могут знать и мои бывшие товарищи. Мне нужны сведения, которые невозможно получить случайно.

– Одобряю осторожность, – спокойно произнес собеседник. – Пусть будет так. Попробую убедить тебя более серьезными вещами… Главным морским штабом ты был направлен в Ливорно сроком на три года. Формально – для наблюдения за строительством кораблей. На деле ты занимался военной разведкой. За время твоего пребывания в Италии тобой были подготовлены двенадцать особо важных сообщений: данные о новейших итальянских артиллерийских системах, проекты модернизации флота, исследования британских корабельных турбин… А в предпоследнем отчете ты передал схемы бронирования новейших судов. Более того – на основании собранных в Ливорно материалов ты разрабо-

тал собственный проект быстроходного крейсера, который по своим характеристикам должен превзойти английские линейные корабли.

Смолянинов невольно напрягся.

– Это гораздо больше, чем я ожидал услышать.

Связной чуть подался вперед:

– И это еще не все. В Главном морском штабе твои чертежи вызвали огромный интерес. Там считают, что ты фактически создал корабль будущего. Облегченный корпус, новая система турбин, расчеты скорости, схема распределения брони, увеличенная дальность плавания… Если такой крейсер будет построен раньше английского аналога, весь британский флот в одночасье устареет! Их линкоры отправятся на металлолом.

На мгновение в разговоре возникла тяжелая пауза. Где-то под сводами церкви сухо потрескивали свечи.

– Какое мое следующее задание? – тихо спросил Смолянинов.

– Ты должен завершить расчеты новой формулы брони и вычислить предельную устойчивость корпуса при боевых повреждениях. Ну что, я убедительно говорю? Или мне продолжить?

– Этого хватит.

Только теперь Андрей позволил себе едва заметно расслабиться.

– Значит, ты все сделал? Расчеты при тебе? – в его голо-

се впервые прозвучало скрытое напряжение. – Это чрезвычайно важно. Документы нужно переправить в Россию как можно скорее.

Он смотрел прямо в глаза Смолянинову, не мигая. От этого взгляда веяло уверенностью человека, привыкшего жить среди постоянной опасности.

– Да. Они со мной.

Смолянинов достал аккуратно перевязанный сверток и протянул его связному.

– Только будь осторожен. За мной следят.

– Мне это известно, – Андрей быстро спрятал бумаги в карман. – Наблюдение за тобой началось еще в Ливорно. И, признаться, меня до сих пор удивляет, почему тебя не арестовали.

– Возможно, не хотят международного скандала.

– Вполне вероятно. Во всяком случае, у меня сейчас больше шансов доставить эти расчеты в Морской штаб, чем у тебя.

– Не исключено, что следят уже и за тобой. Просто ты этого пока не заметил.

Связной невесело усмехнулся:

– Возможно. Но я лицо неприкосновенное. Служу при консульстве. Дипломат.

– Вот как… Тогда тем более береги документы. Если они попадут к чужим людям, в европейском кораблестроении произойдет настоящий переворот.

На лицо Андрея легла тень. В глубоко посаженных глазах мелькнуло что-то тревожное, почти обреченное.

– Понимаю. Твои работы оценены чрезвычайно высоко… Но времена нынче скверные. Мир словно медленно сходит с ума. И я уже не могу поручиться даже за собственную безопасность. Если почувствую угрозу или замечу слежку – спрячу бумаги так, что их никто не найдет. Я уже предпринял в этом направлении некоторые шаги…

Смолянинов внимательно посмотрел на него:

– Мы давно не виделись… Сколько лет прошло? А я ведь даже не знаю, как ты живешь. Ты же прекрасно рисовал. Семья у тебя есть?

Андрей отвел взгляд.

– Семьей я так и не обзавелся. Зато есть племянница – Софья. Чудесное создание… Она для меня все! А рисовать… Нет, теперь почти не рисую. Разве что корабли… Последние картины, что я нарисовал, – это дуэль.

– Та самая? – удивленно спросил Прохор.

– Да. Та самая… Одну картину я оставил у себя дома. Вторую подарил баронессе Руччелаи.

При имени баронессы лицо Смолянинова заметно помрачнело.

– Я знаком с ней.

– Вот как? – Андрей внимательно посмотрел на него. – Мир тесен… Хотя… Впрочем, не мое это дело! Ничего не объясняй. – Он сунул руку в карман и достал несколько сло-

женных листков. – Не хочу показаться сумасшедшим, но меня тоже не оставляет чувство, что вокруг постепенно затягивается петля. Если со мной что-нибудь случится – следуй тому, что в бумагах написано. Это ключ к твоим документам, они будут лежать в тайнике.

– Опять твои шарады, – улыбнулся Смолянинов. – Помнится, в молодости ты увлекался ими.

– Я и сейчас их не забросил. Можно… сказать, что я в этом преуспел, – широко улыбнулся связной.

Прохор Смолянинов взял бумаги и машинально спрятал их во внутренний карман сюртука.

– А теперь нам пора расходиться, – тихо произнес Андрей. – Сначала уйду я. Ты выйдешь минут через пятнадцать.

Он кивнул на прощание и направился к двери спокойным, размеренным шагом.

У самого выхода связной на мгновение остановился. Смолянинову показалось, что сейчас он непременно обернется. Что-то скажет ободряющее напоследок. Но этого не произошло.

Решительно распахнув дверь, Андрей шагнул прямо в сырую полночную темноту. В церковь сразу дохнуло холодной влажной свежестью. Пламя свечей тревожно качнулось, по стенам метнулись дрожащие тени, и только когда дверь мягко закрылась, колеблющийся свет постепенно успокоился вновь.

Глава 4. 8 июля 1905 года. Труп на берегу реки Арно

Ночь восьмого июля 1905 года во Флоренции выдалась на удивление теплой, почти ласковой. Сумерки сходили на город неторопливо, будто смакуя каждое мгновение своего владычества. Сперва они мягко приглушили очертания холмов на берегах Арно, растворив их в сиреневатой дымке. Затем тень подкралась к сердцу города – к величественному собору Санта-Мария-дель-Фьоре[12], и его громадный коричневый купол, еще недавно сиявший в закатных лучах, стал медленно тонуть в густеющем полумраке.

Мгла сгущалась, расползаясь по улицам и площадям, накрыла старинную ратушу, стерла резкость линий старинных стен, и вскоре тьма, налившись беспросветной глубиной, поползла выше – к строгим, устремленным в небо колокольням многочисленных базилик, разбросанных по всему городу. Какое-то время они еще чернели на фоне гаснущего неба,

[12] **Собор Санта-Мария-дель-Фьоре** (собор Святой Марии с цветком) – кафедральный собор во Флоренции, столице Тосканы, самое знаменитое из архитектурных сооружений флорентийского кватроченто. Находится в центре города на Соборной площади. Церковь была заложена 8 сентября 1296 года в день Рождества Пресвятой Девы Марии и посвящена в 1412 году «Святой Деве Марии с цветком лилии в руке» (Santa Maria del Fiore; цветок ириса, или Геральдическая лилия, является символом Непорочной Девы, атрибутом Благовещения и гербом города Флоренции).

словно стражи, не желающие уступать безмолвной ночи, но их тоже вскоре поглотила бархатная, теплая темнота флорентийской ночи.

По обе стороны Понте-Веккьо горели газовые фонари – чугунные столбы с живым, колеблющимся пламенем. Их теплый струящийся свет мягко стелился по темной поверхности реки длинными дрожащими золотистыми дорожками. Массивные и тяжелые опоры Старого моста тревожили течение Арно, дробя отражения огней на сотни мерцающих искр. Эти зыбкие осколки света уносились прочь, медленно редели и, отдаляясь, один за другим гасли, поглощенные глубокой ночной тьмой.

Под сводами лавок, возвышающихся над мостом на три этажа, теплились огоньки витрин. В густой ночной мгле они казались мутными и непрозрачными, словно затянутыми дымкой времени, с тусклым отблеском меди и старого, чуть помутневшего стекла. Электрический свет попадался здесь редко – лишь случайными, холодными бликами. Он выглядел чуждым, не к месту ярким, будто робкие приметы близкого будущего, по ошибке затесавшиеся в этот уголок далекого средневекового прошлого.

Молодые карабинеры королевской службы – Фабио Росси и Алессандро Бьянки – неторопливо шагали по своему привычному маршруту. В их руках покачивались патрульные фонари, выхватывая из плотной темноты мостовой то блеск мокрого камня, то чьи-то поспешно удаляющиеся те-

ни.

Ночь дышала спокойно и глубоко. Редкие прохожие, встречавшиеся им по дороге, невольно притихали под внимательными взглядами стражей порядка, а затем растворялись в переулках, будто их и не было.

От Старого моста, чьи лавки темнели над сонной Арно, карабинеры вышли к набережной. Река лениво отражала огни фонарей, и вода казалась густой, как расплавленное стекло. Свернув с набережной, они углубились в узкие исторические улочки. Каменные стены хранили дневное тепло, пахло сыростью, вином и выпечкой. Над крышами, все ближе и величественнее, поднимался темный силуэт купола – Собор Санта-Мария-дель-Фьоре, молчаливый суровый страж города.

Продолжительность их патрульного пути оставалась неизменной вот уже добрых десять лет и редко когда превышала два часа. Разумеется, если ночь обходилась без происшествий. Такой порядок устраивал всех: и самих карабинеров, знавших каждый камень и каждый фонарь на вверенном участке, и жителей Флоренции, которые в их размеренном присутствии чувствовали себя спокойнее и защищеннее.

Через пару часов Фабио и Алессандро вернутся в казарму, где старый унтер-офицер, ворчливый и педантичный, поручит им патрулировать новый участок в следующую смену. Конечно, им хотелось бы дежурить ближе к центру – среди улиц, знакомых до последней выбоины на камне, среди пло-

щадей, где свет фонарей гуще, а ночная жизнь не замирает до самого рассвета. Скажем, где-нибудь у Палаццо Питти – величественного дворца, некогда служившего резиденцией знатных семейств и по сей день хранящего под своими сводами бесчисленные фамильные ценности (но именно там, вопреки строгому патрульному режиму и постоянным обходам, подозрительно часто случались дерзкие и по-настоящему крупные кражи).

Однако унтер-офицер, явившийся в нынешний вечер на службу мрачнее тучи, быстро развеял их надежды. Вспомнив, что уже вторую неделю подряд они ходят по центральным кварталам, он с сухим удовлетворением пообещал «задвинуть романтиков» на самую окраину – в Ольтрарно, на южный берег Арно, район с дурной славой и беспокойным нравом.

В этом районе набережные по ночам пустели и тонули во тьме, фонари встречались редко, а целые улицы и вовсе лежали без света, будто вычеркнутые из городской жизни. Мосты в той стороне приходилось патрулировать усиленно: река становилась не украшением города, а удобной дорогой для тех, кто предпочитал не попадаться на глаза.

Им было из-за чего рисковать. В Ольтрарно теснились многочисленные склады, ремесленные мастерские, богатые лавки, товар которых легко унести и выгодно сбыть. Замки там взламывали чаще, чем в других кварталах города, а грабители чувствовали себя почти как дома – работали быстро,

дерзко и без лишнего шума.

Карабинеры двинулись вперед медленным, размеренным шагом, по привычке скользя взглядами по темным витринам, дверным проемам и редким огонькам в окнах. Их путь лежал к Понте-Санта-Тринита[13] – старинному мосту, возведенному еще в конце шестнадцатого столетия и по праву считавшемуся воплощением ренессансной гармонии.

Легкий и изящный, он словно парил над Арно своими тремя плавно изогнутыми арками. В самой линии моста, на его перилах, стояли грациозные мраморные скульптуры (две мужские и две женские), олицетворяющие времена года, – каждая фигура, в собственной позе и с характерным атрибутом, виделась хранительницей и каменным воплощением смены сезона. Свет фонарей мягко ложился на их точеные формы, подчеркивая благородные контуры, а шаги карабинеров на мостовой звучали особенно отчетливо, будто вплетаясь в дыхание древнего города.

Фабио Росси – старший патруля – в этот вечер был непривычно молчалив. В его настроении поселилась глухая, тяжелая печаль – такая, что меняет осанку и гасит взгляд. Он совсем не походил на того прежнего Фабио – веселого и раз-

---

[13] **Санта-Тринита** (Святой Троицы) – каменный арочный мост через реку Арно во Флоренции. Название мосту дала одноименная церковь Санта-Тринита (Святой Троицы), располагающаяся на близлежащем участке улицы Виа-де-Торнабуони. Он считается самым старым арочным мостом с эллиптическими пролетами. Ближайший мост на востоке – Понте-Веккьо, на западе – Понте-алла-Карайа.

говорчивого парня, любителя шуток и легкого смеха, способного парочкой добрых острот разрядить унылую ночную службу.

Теперь он словно закрылся изнутри, отгородился невидимой броней. Слова больше не слетали с его губ непринужденно и легко, как в прежние дни, а редкие ответы звучали коротко и глухо, будто проходили извилистый путь сквозь вязкую толщу его невысказанных мыслей.

– Ты сегодня сам не свой, Фабио. С Розой что-то случилось? – не выдержав затянувшегося молчания, тихо спросил Алессандро.

Семейная жизнь у Фабио давно дала трещину – не от ссор и не от охлаждения чувств, а от беды, о которой он умалчивал. Год за годом Розе не удавалось зачать ребенка. Почти каждый вечер они вдвоем стояли перед иконой Девы Марии, долго и истово молясь о младенце, но их просьбы будто растворялись в тишине храма, не находя ответа.

Фабио издал тяжелый вздох, прозвучавший громче шагов по камню.

– Она говорит, что виновата передо мной… – наконец выдавил он. – И хочет уйти в монастырь.

Расспрашивать дальше означало бы бередить чужую рану, не стоило лезть туда, где и без того все ныло и кровоточило. Алессандро понял это без слов и больше не пытался нарушить тяжелые думы Фабио.

Похоже, что оставшееся время патрулирования им пред-

стояло пройти в молчании – тяжелом и вязком, подобно ночному туману, поднявшемуся над рекой. Вот разве что будут изредка обмениваться короткими служебными фразами, в которых не будет ничего личного – разве только проскальзывать усталость да привычная скука.

У самой реки ночь не казалась беспросветной – скорее пятнистой, словно покрытой световыми заплатами. Газовые фонари, выстроенные в безупречную линию вдоль набережной, горели неровно, и между их кругами света оставались островки густой тени, удобные для тех, кто не желал быть замеченным. В медленном течении Арно отражения вытягивались и дрожали, расползаясь по темной воде длинными желтыми дорожками. Казалось, река сама тянется к огням, ощупывает их зыбкими, чувствительными пальцами, прежде чем унести свет вглубь тревожного русла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.